

А С А Д Е М И А

Cogito, ergo sum Я мыслю, значит существую

Сегодня на нашей тематической странице пойдет речь о художнице Ольге Владимировне Розановой, стоявшей у истоков русского авангарда, творившей его и за свою короткую жизнь (она прожила всего 32 года), полную борьбы за новое искусство, оставившей в нем ярчайший след. Нам Ольга Розанова интересна еще и тем, что родилась она на Владимирской земле, в уездном городе Меленки, а ее средняя сестра, зубной врач по профессии, всю жизнь прожила в Вязниках.



Учёба. Стихи. Рисунки

Между сестрами были теплые доверительные отношения, они переписьивались, делились сокровенным. О.В. Розанова приезжала в наш город, о чем можно судить по записи из хроники ее жизни, составленной Верой Терехиной и Андреем Сарабьяновым: «Последний раз побывала у сестры в Вязниках и расположенной рядом Мстёре, в иконописной мастерской». Это было незадолго до смерти художницы в 1918 году, но обо всем по порядку.

Ольга Розанова родилась в Меленках 4 июля 1986 года. Ее отец, личный дворянин Владимир Яковлевич Розанов более двадцати лет служил уездным исправником в Меленках, затем был отправлен в отставку за неприятие мер к забастовщикам на местных фабриках. Мать, Елизавета Васильевна, из семьи священника Орлова. У супругов Розановых было пятеро детей: Алевтина, Анатолий, Владимир, Анна и младшая Ольга. В 1896 году Ольга поступила в гимназию во Владимире, училась хорошо, была популярной. Фотография тех лет запечатлела 14-летнюю гимназистку: волнистые волосы уложены в аккуратную прическу, кружевной воротничок охватывает девичью шею, платье - с пелериной.

Как и многие подруги-гимназистки, она выписывала в свой альбом строки модных тогда поэтов: Скитальца, Фруга, Надсона, а чуть позже стала вести дневник и записывать в нем сочиненные ей самой стихи. Нельзя не обратить внимание на одно из них, многое объясняющее в дальнейшей ее судьбе. Называется оно «Два пути» (20 июля 1904г.). В нем перед мысленным взором автора «случайно» возникают две дороги: одна вела через море золотых хлебов, цветущий луг, манящий прохладой бор. «Путь второй, тернистый и суровый, Шел по склонам и ущельям гор». Автор выбирает именно его: «А на лживый и веселый призрак, Я горящий светоч не отдам», - заключает она свое стихотворение, как бы сейчас сказали, программируя им весь свой дальнейший творческий путь.

На ее ранних рисунках в технике карандаша, гуаши или акварели можно увидеть уголки родных Меленок, изображения цветов, птиц, животных, учебные зарисовки с обнаженной натуры, портреты женщины, девочки - все в традиционной реалисти-

«ОЛЬРОЗ» — ЗВЕЗДА РУССКОГО АВАНГАРДА

ческой манере. Она уже выбрала путь художницы и поступила в Москве в Училище живописи и скульптуры А.П. Большакова. Подала прошение о поступлении в Строгановское художественно-промышленное училище. Оно не было удовлетворено, но она не отступила и около трех лет посещала школу рисования и живописи К.Ф. Юона и Н.П. Ульянова. Потом был переезд в Петербург, художественная школа Е.Н. Званцевой, где преподавали такие мэтры как Л.Я. Бакст, М.В. Добужинский, К.С. Петров-Водкин.

Ключевым и переломным моментом в жизни и творчестве О. Розановой стало ее вступление в 1911 году в общество художников-футуристов «Союз молодежи» и восприятие его идей. В конце того же года она участвует в большой выставке «Союза» двумя картинами. Одна из них, «Ресторан», была приобретена прямо с выставки Л.И. Жевержеевым. Экспонентами выставки были такие провозвестники нового искусства как Д.Д. Бурлюк, М.Ф. Ларионов, Н.С. Гончарова, В.Е. Татлин, К.С. Малевич и другие. «Союз молодежи» сыграл в жизни художницы большую роль: она участвовала во всех его выставках, вела организационную работу: была одним из авторов его манифеста, делегировалась на встречу московских и питерских футуристов.

«Исключительное время»

О. Розанова чутко уловила нерв времени, его ритм. Вот ее слова из манифеста «Союза молодежи»: «Мы выявляем себя в необыкновенное, исключительное время! Весь нервный характер жизни искусства нашего времени с убедительностью доказывает, что Искусству Живописи в настоящий момент принадлежит доминирующая роль! Оно привлекает всеобщее внимание, как никогда! Вот наш девиз: «В беспрерывном обновлении Будущее искусства». Трудно с этим не согласиться, ведь именно с живописью связывают во всем мире феномен русского авангарда. И, действительно, искусство обновлялось, торило новые пути.

В ноябре 1912 года художница слушала в Петрограде доклады Давида Бурлюка «Что такое кубизм?» и Владимира Маяковского «О новейшей русской поэзии», также состоялось знаком-

ство с ними и с поэтом Алексеем Крученых. В письме в Вязники к сестре Анна Ольга Розанова пишет: «Сегодня было у меня интереснейшее знакомство с Давидом Бурлюком. Я теперь в него влюблена. Мы жали друг другу руки. Ему очень нравятся мои картины, и он говорит, что открыл во мне звезду. Особенно понравился ему тоже твой портрет и дама в пейзажах. Бурлюк читает лекции по искусству и хочет сделать снимки с моих картин, чтобы показывать их перед публикой на экране. Читает он лекции по разным городам. Критика меня ругает. А Бурлюк смеется и говорит: «Меня тоже ругают, и мне очень приятно, что наши имена стоят рядом».

Однако это знакомство развития не имело, а вот с Алексеем Крученых у них были более близкие отношения: кто-то из современников считал их платоническими, кто-то увидел нечто большее. Нас же интересует лишь их совместное творчество: Ольга Владимировна помогала поэту в создании книг, она ему рисовала, поскольку появилась идея уйти от механического типографского способа печатания поэтических текстов: «Строчки нужны чиновникам и Бальмонтам, от них самоубийство, у нас буквы летают», - писал Алексей Крученых. «И действительно, - замечал современник, поэт Сергей Третьяков, - Они летают, кувыркаются, играют в чехарду, лазят и скачут по всей странице. Люди ахают: Это стихи? Нет, это не стихи. Это рисунки. В них преобладает графика, но графика буквенная, несущая с собой в качестве аккомпанемента ощущение звучаний и наросты ассоциаций, сопряженных с речезвуками. Целая плеяда заумников: Малевич, Розанова, Терентьев, Алягров, Зданович...».

С именем поэта А. Крученых связаны такие понятия, как «заумь», «самописьмо». В июле 1913 года вышла книга его стихов «Взорваль» с посвящением: «Первой художнице Петрограда О. Розановой» и репродукцией с ее картины «Ресторанчик». Она участвовала в выпуске и других его поэтических сборников: «Утиное гнездышко... дурных слов», «Бух лесинный», «Война». Следующий 1914 год был для художницы также переполнен событиями. Вышли в свет книги А. Крученых и В. Хлебникова с ее рисунками: «Рыкающий Парнас» второе издание «Игры в аду», брошюра «Тэли лэ». Её Крученых показывал приехавшему в Петербург вождю итальянских футуристов Ф-Т. Маринетти со словами: «Как не было у вас ничего подобного по внешности, так не имеется подобного и по содержанию».

Что и говорить, дерзость у русских авангардистов была через край. Будучи уже признанной футуристкой, О. Розанова участвовала во встрече с Маринетти, присутствовала на его выступлениях. По его просьбе она отправила на

Первую международную футуристическую выставку четыре своих картины: «Порт», «Фабрика и мост», «Диссонанс», «Человек на улице». Выставка проходила в апреле-мае того же года в Риме. А через несколько месяцев после начала Первой мировой войны Ольга Розанова участвовала в выставке картин в Москве «Художницы жертвам войны». Здесь впервые она показала образцы прикладного искусства - «Плато фарфор», «Бархат», «Сумочка».

В центре художественной жизни

В 1915 году О. Розанова - активная участница футуристических выставок. А что критика?



«Диссонанс», 1913 г.

Газетная, например, не понимала и не принимала нового искусства и, конечно, не щадила его творцов. О рисунке О. Розановой «Пристань» можно было прочесть в «Петроградском курьере» и такое: «Этот рисунок с одинаковым успехом можно назвать и «Ловля трески в Средиземном море», и «Развалины домов в Калише».

Несколько лет спустя в статье памяти Ольги Розановой известный искусствовед А.М. Эфрос писал: «Ее ухо было открыто всем шорохам и грохотам городской жизни, глаз, подхватывающий скрещения и вспышки комнатных огней и уличных зарев, - что как не это, основное, футуристическое, было у нее природным свойством таланта и натуры? Оттого-то она была истинной футуристкой настолько же, насколько ее друзья и соратники по большинству случаев - только слуги теории. Мне нелегко назвать среди них кого-нибудь, кто был бы так же, как Розанова, непринужденно свободен в своей футуристической работе. Как о поэте, о футуристе можно сказать, что им не делается, но рождаются. Розанова родилась футуристкой. Если бы движение не пришло ей навстречу уже сложившимся и готовым, она должна была бы изобрести нечто подобное, очень близкое по форме и совершенно тождественное по сути, или же не стать вовсе художницей».

Феномен Ольги Розановой за-

ключается ещё и в том, что была она великой труженицей, да к тому же бессребреницей. Вот отрывок из письма Алексея Крученых историку, палеографу и меценату Андрею Акимовичу Шемшурину: «Очень порадовало, что О. Розанова будет иметь возможность заняться гравюрами. Это художник еще молодой, но очень преданный, и предательства с его стороны нельзя ждать - не чета Бурлюкам! Ольга Владимировна, подрезанная финансами войной, поступила на 50 рублей в художественное ателье Бутковской, как гравёр-химик. И разве такую работу должна исполнять О.В.! А у нее нет денег даже на краски и холст, которые необходимо заготовить на лето!». В этот период художница делала ручным способом линогравюры для книги А.Крученых «Война».

«Работа моя, - писала она тому же Шемшурину, - кажется уже скоро придет к концу. Задержка теперь только в том, что очень медленно сохнет, а потому приходится выжидать и не каждый день печатать. Все столы, стулья и все, что только можно, занято под гравюры. Около 600 листов уже отпечатано, а еще больше осталось». И в другом письме: «Я сейчас работаю в цинкографии Бутковской. При семичасовой работе я совершенно не могла работать дома, а главное, никак не могу привыкнуть к запаху эфира и кислот и действительно страдаю от этого ужасно. Но мне очень хочется практически изучить все способы печатания: цинкографию, фотографию, трехцветный способ и прочие, и поэтому, несмотря на всю тяжесть этого совершенно нехудожественного труда, очень дорожю возможностью со всем этим познакомиться».

Среди собратьев по художественному цеху О. Розанова пользуется заслуженным авторитетом. Она получает приглашение войти в число действующих членов общества «Бубновый валет», участвует в его и других выставках футуристов, ее картины покупаются, критика благосклонна к ним: «В композициях г-жи Розановой есть жизнь и зорность и нежное женственное изящество - эта художница с поэтическим чувством», - пишет рецензент.

Между тем на дворе был уже 1917 год, отмеченный терновыми венцами сразу двух революций. И как раз в это бурное время проявился еще один талант Ольги Розановой - организаторский. «Когда не стало Н.И.Кульбина (2 марта), под кнутами насмешек и презрения державшего знамя футуризма - вспоминал художник Ю.П. Анненков, - Розанова говорила, что это знамя нужно спокойно взять из онемевших рук, чтобы нести дальше». Эти слова стали крылатыми. Тогда же Розанова была избрана в состав членов «Союза молодежи». Ее также избрали секретарем от Молодежной (левой) федерации только что созданного Профсоюза художников-живописцев.

Сергей АПОСТОЛОВ.
(Продолжение следует).